

ИЗ РАБОТ
МОСКОВСКОГО
СЕМИОТИЧЕСКОГО КРУГА

ПРОСТРАНСТВО И ТЕКСТ

*

«ОСНОВНОЙ МИФ»

*

СЕМИОТИКА ФОЛЬКЛОРА

*

СЕМИОТИКА
АВТОРСКОГО ТЕКСТА

ЯЗЫК . СЕМИОТИКА . КУЛЬТУРА

ИЗ РАБОТ МОСКОВСКОГО СЕМИОТИЧЕСКОГО КРУГА

СОСТАВЛЕНИЕ И ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Т. М. НИКОЛАЕВОЙ

«ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ»

Москва 1997

ББК 87.4
И 32

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 96-04-16273

И 32 Из работ московского семиотического круга. — М.:
«Языки русской культуры», 1997. — 896 с.
ISBN 5-7859-0003-3

Сборник посвящен наиболее значительной и самой ранней по времени ветви Московской семиотической школы, группирующейся вокруг сектора структурной типологии Института славяноведения и балканистики РАН, где был проведен в 1962 г. первый в России и СССР Симпозиум по структурному изучению знаковых систем. В настоящее время существует несколько специализированных Библиографий работ этого направления (Германия, Нидерланды, Австрия). Десятки работ участников (в особенности – основателей школы: Вяч. Вс. Иванова и В. Н. Топорова) переведены на иностранные языки Запада и Востока.

Сборник состоит из Вводной статьи (Т. М. Николаева), Приложения (с воспоминаниями И. И. Ревзина и программой Симпозиума по структурному изучению знаковых систем) и четырех разделов: I. Простые семиотические системы. II. Реконструкция древнейших мифопоэтических моделей (реконструкция древнейших индоевропейских мифологем; мифопоэтическая интерпретация фольклорных текстов). III. Методы семиотической реконструкции и фольклорные тексты. IV. Теория и семиотический анализ авторских текстов (теория текста, анализ и интерпретация прозаических текстов, анализ и интерпретация поэтических текстов).

ББК 87.4

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Except the Publishing House (fax: 095 246-20-20, E-mail: irc@koshelev.msk.su) the Danish bookseller firm G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has an exclusive right on selling this book outside Russia.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-7859-0003-3

© Авторы, 1997
© Т. М. Николаева. Составление, 1997
© А. Д. Кошелев. Серия «Язык. Семиотика. Культура», 1995
© В. П. Коршунов. Оформление серии, 1995

СОДЕРЖАНИЕ

Т. М. Николаева. Введение..... VII

ЧАСТЬ I. ПРОСТЫЕ СЕМИОТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ

- Вяч. Вс. Иванов.* Вступительная статья к сборнику «Симпозиум по структурному изучению знаковых систем»..... 3
- З. М. Волоцкая, Т. М. Николаева, Д. М. Сегал, Т. В. Цивьян.* Жестовая коммуникация и ее место среди других систем человеческого общения..... 8
- А. А. Зализняк.* Опыт анализа одной относительно простой знаковой системы..... 18
- Т. В. Цивьян.* К некоторым вопросам построения языка этикета..... 36

ЧАСТЬ II. РЕКОНСТРУКЦИЯ ДРЕВНЕЙШИХ МИФОПОЭТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ

- Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров.* Постановка задачи реконструкции текста и реконструкции знаковой системы..... 45
- В. Н. Топоров.* О структуре некоторых архаических текстов, соотносимых с концепцией «мирового дерева»..... 74
- В. Н. Топоров.* О космологических источниках раннеисторических описаний..... 128
- Вяч. Вс. Иванов.* Опыт истолкования ритуальных и мифологических терминов, образованных от *ašva* 'конь'..... 171
- Т. М. Судник, Т. В. Цивьян.* К реконструкции одного мифологического текста в балто-балканской перспективе..... 221
- В. Н. Топоров.* Мобсаи 'Музы': соображения об имени и предистории образа..... 257

ЧАСТЬ III. МЕТОДЫ СЕМИОТИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ И ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТЕКСТЫ

- Т. Я. Елизаренкова, В. Н. Топоров.* О ведийской загадке типа *brahmodya*..... 303
- Вяч. Вс. Иванов.* О последовательности животных в обрядовых фольклорных текстах..... 339

<i>Т. Н. Свешникова, Т. В. Цивьян.</i> К функции посуды в восточнороманском фольклоре.....	344
<i>Т. Н. Свешникова.</i> Волки-оборотни у румын.....	376
<i>Т. М. Судник.</i> К описанию структуры одного белорусского (восточнославянского) заговора.....	388
<i>А. В. Головачева.</i> К вопросу о прагматике загадки.....	396
<i>Л. Г. Невская.</i> Балто-славянское причитание: реконструкция семантической структуры.....	417
<i>М. И. Лecomцева.</i> Семиотические аспекты «индексальной» загадки.....	429
<i>Л. Г. Невская.</i> Концепт «гость» в контексте переходных обрядов.....	442

ЧАСТЬ IV. ТЕОРИЯ И СЕМИОТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АВТОРСКИХ ТЕКСТОВ

<i>В. Н. Топоров.</i> Пространство и текст.....	455
<i>Вяч. Вс. Иванов.</i> Функции и категории языка кино.....	516
<i>Вяч. Вс. Иванов.</i> Структура гомеровских текстов, описывающих психические состояния.....	547
<i>Т. В. Цивьян.</i> Verg. Georg. IV, 116–148: К мифологеме сада.....	576
<i>В. Н. Топоров.</i> О структуре романа Достоевского в связи с архаическими схемами мифологического мышления («Преступление и наказание»).....	590
<i>Т. В. Цивьян.</i> О структуре времени и пространства в романе Достоевского «Подросток».....	661
<i>Вяч. Вс. Иванов.</i> К исследованию поэтики Блока («Шаги командора»).....	707
<i>И. И. Ревзин.</i> Грамматическая правильность, поэтическая речь и проблема управления.....	731
<i>Т. В. Цивьян.</i> Заметки к дешифровке «Поэмы без героя».....	739
<i>Т. М. Николаева.</i> Смерть властелина на охоте («Охота» Н. Гумилева и «Сероглазый король» А. Ахматовой)...	763
<i>Т. М. Николаева.</i> «Из пламя и света рожденное слово».....	774

Приложения

<i>И. И. Ревзин.</i> Воспоминания.....	791
Программа Симпозиума по структурному изучению знаковых систем.....	839
Список сокращений.....	842

ВВЕДЕНИЕ

1.

Цель настоящей — относительно подробной — главы: представить в суммарном виде основные теоретические положения и, как мы надеемся, также и основные достижения одного направления Московской семиотической школы, к которому принадлежат все авторы работ, представляемых ниже на суд читателя.

Время не только объединяет, но позволяет и увидеть различия. Оно позволяет также дифференцировать нечто цельное и компактное в рамках кажущейся не-гомогенной эклектичности. И в то же время полнота представляемого материала дает возможность сделать подлинное гомогенное пространство более плотным и очевидным.

Имена основоположников этого направления — Вячеслава Всеволодовича Иванова и Владимира Николаевича Топорова — вошли в мировую семиотику уже давно. Между тем именно труды *непосредственных* учеников и соратников, выполнявших под их руководством, в кругу их идей и просто вместе с ними реальные филологические изыскания, демонстрируют и единство *школы*, и реальность ее конструктивных предпосылок.

Речь пойдет о научной школе, сложившейся в пределах одного официального социума, а именно — Института славяноведения и балканистики Российской Академии наук, более того — объединившейся в достаточно узких пределах сектора структурной типологии славянских и балканских языков, созданного в августе 1960 года.

Существует расхожее убеждение, что ничто действительно ценное не может быть очерчено официальными рамками. Однако история науки знает множество исключений (например, лаборатория Кавендиша—Резерфорда в Кембридже), да и филологам известны «Казанская школа», школа Щербы, школа Свита и подобные им. Данный научный социум формировался практически путем специального и вдумчивого отбора. Однако, как будет видно далее, не все сотрудники сектора увлеклись семиотическими идеями, предпочитая оставаться в пределах чистой лингвистики. Наконец, школа эта развивалась отнюдь не в научном одиночестве. Сразу же можно назвать десятки достойных имен московских семиотиков и структуралистов, так или

иначе примыкавших к нам — Борис Андреевич Успенский, Владимир Андреевич Успенский, Игорь Александрович Мельчук, Юрий Дереникович Апресян, Елена Викторовна Падучева, Александр Константинович Жолковский, Юрий Константинович Щеглов, Борис Леонидович Огибенин, Юрий Константинович Лекомцев, Юрий Иосифович Левин, Юрий Семенович Мартемьянов, Ольга Григорьевна Карпинская (Ревзина) и многие другие были людьми во всех отношениях близкими. Однако, во-первых, они не занимались как правило теми аспектами семиотических изысканий, о которых речь пойдет ниже, и, во-вторых, хочется надеяться, что многообразная и многолетняя история московской семиотики не ограничится только этим томом.

2.

Представляется целесообразным эксплицировать основные постулаты и результаты описываемого направления путем многоэтапных сопоставлений, постепенного сближения и постепенного отталкивания.

Поэтому сначала имеет смысл сказать о том, что представляет собой мировая, то есть не только «русская», семиотика сегодняшнего дня.

Библиографические данные Международной лингвистической ассоциации достаточно красноречивы: за период с 1963 по 1980 годы представлено 517 названий, а за период с 1980 по 1995 год — 1580 названий¹. Однако само понятие «семиотика», как будет видно из дальнейших примеров, начинает употребляться все более нетерминологично, означая нечто вроде «функционально-семантическое вообще». В этом смысле в русской традиции пока не приняты названия вроде «Семиотика стихотворения “Парус” Лермонтова», «Семиотика форм степеней сравнения», «Семиотика русского ампира» и под. Наконец, термин «семиотика» постепенно сменяет старые сочетания вроде *Sign language*, *Sign system* и т. д.

Итак, прежде всего можно говорить о семиотике как отдельной эпистемологической научной единице. В этом плане за словом *Semiotics* чаще всего следует союз *and*. Например, *Semiotics and psychoanalysis* (74) — эта тема в последние годы представлена очень широко, *Semiotics and the new teatrology* (63), *Semiotics and popular culture* (773); *Literary studies and semiotics* (424), *Semiotics and the art of understanding* (695), *Semiotics and Catastrophe theory* (682), *Semiotics and linguistics* (633), *Deconstruction, prototype theory and semiotics* (198), *Medicine and semiotics* (359), *Realism and*

¹ Все библиографические данные получены мною весной 1996 г. в Университете г. Грац (Австрия) через систему Internet. В дальнейшем приводимые в скобках цифры будут означать порядковый номер данной работы в Библиографии периода 1980–1995 гг., данные предыдущего периода будут специально оговариваться.

semiotics (663), Semiotics and performance, Semiotics and pragmatics (много работ под этим названием) и под.

Довольно большое внимание уделяется и внутренней организации семиотики как особой науки со своей специфической структурой: Subjectivity in semiotics (156); The semiotics of semiotics (1206); Teleology and the autonomy of the semiotic process (165), The methodological status of semiotics: sign, semiosis, interpretation and the limits of semiotics (167), Does semiotics lead to deconstruction? (246), Language, reality, culture and semiotic modelling (262), Biology as natural semiotics (288), Semiotics: (no) canon, (no) theses (418), Dallo strutturalismo alla semiologia: questioni terminologiche (535), The epistemological status of semiotics and the tasks of a semiotic handbook (572), Empreinte pragmatiste, attitude pragmatique et sémiotique intégrée (603), Application of semiotics in analyzing symbolic expressions (634), Information theory and the semiotic sign (647), Four problems of deep semiotics (681), Semiotics what it is, and what approaches it takes (714), From index to icon (791), Semiotics and television (884); Icons of identity (782), Two extremes of iconicity (792); Sémiotique et théologie du péché (982) и так далее.

Естественно, что в этом своем качестве — быть автономной наукой — семиотика может рассматриваться в плане геотнической принадлежности или в плане соотношения с той или иной авторской теорией. Очевидно, в первом случае можно ожидать многих работ с условным субназванием: «Семиотика — где?». И действительно, словосочетание Semiotics in... встречается очень часто. Например, Semiotics in Japan: something from nothing (230), Brazil: a cultur in tune with semiotics (327), Semiotics in Romania (324), Semiotics in Peru — 1980–1988 (325), Semiotics in the United States (503), Semiotics in Columbia: within new perspectives (326), China — a country with an abundant semiotic tradition (334). Дальнейшее перечисление просто превратило бы статью в урок географии.

Во втором случае — «авторском» — естественно появление предлога *of* или союза *and*, например, Semiotics and E. Sapir (314). Пользуясь привычными для русского читателя аналогиями, можно отметить, что здесь семиотика приобретает семантическую размытость, подобно термину «реализм» в советском литературоведении. То есть одновременно говорилось о реализме как литературном направлении определенной эпохи, и о «реализме» у писателя любого направления и любой давности (это в свое время считалось высшим комплиментом).

Большая часть работ о классиках-основоположниках современной семиотики, разумеется, посвящена Чарльзу Сандерсу Пирсу — это десятки исследований, специальные симпозиумы с последующими публикациями, толкования тех или иных мест знаменитых трудов Пирса. Первоначально малая у нас известность Пирса — при том, что работы и имя Ф. де Соссюра вошли в научный обиход уже давно — кажется странным недоразумением², однако, как мы постараемся объ-

² Наиболее полная из первых его публикаций была представлена Ю. С. Степановым: Ч. С. Пирс. Из работы «Элементы логики. Grammatica sресу-

яснить далее, дистрибуция предпочтений в данной ситуации неслучайна. Последующие места по общепризнанности занимают, естественно, Ч. Моррис, а из современников — У. Эко, А. Греймас, в известной степени — Е. Пельц, Р. Барт и М. Бахтин³. Об остальных работах этого направления вполне можно судить по ряду названий: Aristotle, Peirce and Goffman in a new frame (42), Freudian metapsychology as a theory of semiotics and discursivity (76), Kant's semiotics (311), Halliday as semiotician (330), Frege's semiotics sampled (334), La Rochefoucauld's semiotics of empty center (376), Humboldt on the semiotics of writing (645), Giambattista Vico and semiotics (374), Wittgenstein, translation and semiotics (649), Michel Foucault and the semiotics of the phenomenal (638), Paris school semiotics, 1. Theory (690), Montaigne and the semiotics of diversion (277), The Abelardian semiotics (677), The semiotics of Rousseau's Botany (894), Thomas Aquinas: natural semiotics and the epistemological process (698), The semiotics of Roger Bacon (728).

Однако, как пишет Ч. Моррис, — «Отношение семиотики к наукам двойное: с одной стороны, семиотика — это наука в ряду других наук, а с другой стороны — это инструмент наук»⁴. Естественно, что собственно исследовательская семиотика, когда семиотика выступает не как метаобъект, а как инструмент, тоже может быть каким-то образом классифицирована. Можно говорить, что уменьшается, по сравнению с периодом 1963–1980 гг., число семиотико-лингвистических исследований, хотя, казалось бы, именно лингвистика описывалась как почти целиком семиотичная сфера. (Ср.: «Логика, математика и лингвистика могут быть включены в семиотику полностью»⁵.) Приведем некоторые именованья собственно лингвистической проблематики: Part-whole relations, «having» and qualification — the semiotic nature of qualification utterances (130), Reflexivized motion verbs in Old-Saxon: semantics, syntax and semiotics (396), At the intersection of semiotics and linguistics semantics: «sign» in the Old Saxon «Heliand» and the Old High German «Evangeliebuch» (407), The semiotics of *WE*: first person pluralities in *US* (514), Iconicity in syntax: the natural order of attributes (785) и так далее⁶.

Примерно на одном и том же уровне распространенности представлена в оба периода (1963–1980 и 1980–1995) тематика несобственно филологической семиотики. В основном, это семиотика города (включая архитектуру), повседневной жизни и искусства — театр, кино, танец, — а также социология отношений. См., например: *Mask, music and the semiotics of the road* (6), *On the axiosemiotics of postcards* (19), *What do*

lativa» // Семиотика / Составление, вступительная статья и общая редакция Ю. С. Степанова М., 1983.

³ См., например: *Semiotics: between Peirce and Bachtin* (1172).

⁴ Ч. У. Моррис. Основания теории знаков // Семиотика / Составление, вступительная статья и комментарий Ю. С. Степанова. М., 1983, с. 38.

⁵ Ч. У. Моррис. Указ. соч., с. 85.

⁶ Некоторые работы все же кажутся неадекватными заявленному по тематике. Например (495): *A study of linguistic sign theory: the suffix -K-A/KA in Modern Russian*.

we know about signifying behavior in the domestic cat? (193), Semiotics of food (194), Tavern, inn, brothel: the semiotics of profit and desire in the thirteenth-century urban France (11), Woman and the city: the semiotics of embodiment (235), The semiotics of masculinity in Renaissance England (268), The semiotics of space: how theatres mean (270), The semiotics of Christ Body in the English cycles (593), Theatre semiotics: signs of life (594), The semiotics of Fortune-telling (595), The semiotics of French gestures (632), Folk festival and the semiotics of tourism in Texas (753) — и так далее: как видно, проблематика весьма разнообразна.

Однако самое большое число работ последнего периода посвящено — как и в отечественной семиотике — исследованиям литературного произведения. При этом — еще раз напоминая об отсутствии подобной терминологической традиции в России — отметим, что перевести названия исследований такого рода иногда очень сложно, даже не всегда возможно. Например, *Crusoe in the cave: Defoe and the semiotics of desire* (226), *Semiotic perspectives on Joyce* (300), *The chains of semiosis: semiotics, marxism and the female stereotypes in the Mill on the Floss* (370), «I didn't be myself»: *Emily Dickinson semiotics of Presence* (373), *The semiotics of Young Werther* (380), *Semiotics, city, sult: Hamsun's text of «Hunger»* (383), *The semiotics of fin de siècle: Stalky and Co, and Cyrano de Bergerac* (385), *Joyce, semiosis and semiotics* (389), *Sir Gawain and the semiotics of truth* (391), *Vagrant writing: social and semiotic disorders in the English Renaissance* (436), *Literary semiotics of suburban houses* (455), *The semiotics of Myth in English Romantic poetry* (573), *Writing Joyce: a semiotics of the Joyce system* (666), *The sign and De sign: medieval and modern semiotics in Umberto Eco's The name of the Rose* (676), *Semiotics of the drama and the style of Eugene O'Neill* (710); *The limits of semiotics in Huckleberry Finn* (978).

Многие названия свидетельствуют о том, что возникает этап комплексного семиотического подхода, многомерной семиотики. Например, *Semiotics and mass communication: the narrative and reception of the Soap Opera «Telenovela»* (18). Здесь включены: теория массовой коммуникации, общая теория семиотики и анализ отдельного произведения. Или — *For a semiotics of food in the nineteenth-century French novel* (196) — описание и разработка «семиотики еды» должны предварять анализ романа как жанра. Подобного рода «комбинированных» семиотических анализов можно продемонстрировать много: *Mass media discourse and the semiotics of Zulu nationalism* (232), *Towards a historical semiotics of literary flower personification* (233), *Literary genre and history: questions from a literary pragmatist for socio-semioticians* (364), *The matrix of narrative: family systems and the semiotics of story* (365), *Sin, sex and semiology: metafictional bliss and anxiety in the novels of David Lodge* (529), *In the pursuit of the thing: Umberto Eco's semiotics, narrative and detective story in the Name of the Rose* (530), *The mushroom and the egg: Lewis Carroll' Alice as an otherworldly introduction to semiotics* (568), *Semiotics and power: relics, icons and the voyage de Charlemagne à Jerusalem et à Constantinople* (768); *Rereading as exorcism: semiotics and the ghost of Saussure* (911); *Heraclitus and the foundations of semiotics* (920).

Разумеется, в этом случае значима грамматика названия работы. Например (условное название исследования): «Семиотика в пьесах Чехова (жесты)» — предполагается, что наука семиотика прилагается к теоретически еще не обработанному жесту в пьесах Чехова, которые в свою очередь тоже описаны; «Семиотика жеста и пьесы Чехова» — существует наука «семиотика жеста» и она прилагается к пьесам Чехова; «Семиотика жестов в пьесах Чехова» — выписываются типы жестов и делается попытка их семиотизации и т. д.

Начиная с конца 70-х, выходят значительные по объему индивидуальные монографии, посвященные общей теории семиотики⁷, ежегодные обзоры состояния семиотики в мире⁸ и полуистории семиотики как науки, получебники семиотики для современных студентов⁹.

Общую картину разброса интересов современной семиотики нагляднее всего можно представить на примере какой-либо презентативной конференции. Наиболее наглядно за последние годы семиотическая проблематика была развернута на IV Конгрессе Международной ассоциации семиотических исследований 1989 г. в Перпиньяне, а труды ее участников опубликованы в издании *Signs of humanity, I-III vol.* / M. Balat, J. Deledalle-Rhodes, G. Deledalle (eds) Berlin-N. Y., Mouton de Gruyter, 1992. Решение создать эту Ассоциацию было принято в Париже в 1969 г. при активном участии Р. Якобсона, Э. Бенвениста и К. Леви-Строса. Первый международный конгресс состоялся в Милане в 1974 г. Официальный журнал этой ассоциации (IASS) — «Semiotica». Его главный редактор — Т. Себеок. Первым президентом этой ассоциации был великий лингвист Эмиль Бенвенист, а генеральным секретарем — Альгирдас Греймас. В настоящее время президентом является Роланд Познер, а секретарем — Джефф Бернанд.

Три тома трудов IV конгресса демонстрируют следующую тематическую структуру. На первом месте (секция 1) стоят работы по анализу текста — от функций кавычек до общих проблем нарратологии. Секция 2 — образы (это доклады типа «Проблемы интерпретации в живописи», «Игра словами», «Теория Пирса и кино» и т. д.). Секция 3 — пространство (пространство вообще и архитектура). Секция 4 — тело и разум (Mind), включая медицину, психосоциологию и психоанализ. Секция 5 с трудно переводимым на русский язык названием «Знаки тела» (The Body and its signs) была посвящена спорту, моде, со-

⁷ Назовем только некоторые из них: *U. Eco. A theory of semiotics.* Bloomington, 1976; *Th. Sebeok. Semiotics: a survey of the state of art* (4 volumes). The Hague, 1976; *Semiotics, self and society* / B. Lee, G. Urban, Th. Sebeok (eds). Berlin, 1989; *Symbolism and reality: a study in the nature of mind.* Amsterdam, 1993; *F. Rossi-Landi. Between signs and non-signs.* Amsterdam/Philadelphia, 1992; *Signs, search and communication* / R. Jorna, B. van Heusden, R. Posner (eds). Berlin-N. Y., 1993 etc.

⁸ Например, *Recent development in theory and history: the semiotic web*, регулярно издаваемые рядом виднейших семиотиков во главе с Томасом Себеоком.

⁹ Например: *W. Noth. Handbook of semiotics.* Bloomington, 1995.

циальной роли костюма и т. д. Секция 6 — театр и цирк в семиотическом аспекте. Целый том (том 3) — это обзор современной мировой семиотики и истории семиотики. Так, в частности, 15 докладов были о работах Пирса и Морриса (специальная секция 1). В рамках этой же секции рассматривалась семиотика Европы, Африки и сопоставительная семиотика (точнее, семиотики в сопоставлении). Вторая секция этой части — семиотика и общие проблемы культуры, теория массовой коммуникации и, наконец, особая подсекция — эмансипация (о положении женщин в семиотическом плане).

Всего было прослушано 152 доклада.

Для более полного представления о семиотике сегодняшнего дня можно сказать несколько слов и о программе последнего, шестого, семиотического конгресса (Мексика, июль 1997), посвященного некоторым оппозициям: природа/культура (дикая природа/искусственные построения), постмодернистская культура/культура классическая, естественные/гуманитарные науки, оппозиции знаков тела, его симптомов и признаков телу «бестелесному», духовному (*the lost body, le corps perdu*) и его земному раю, соотношению собственной структуры знака и его природного денотата.

Продемонстрированная выше проблематика кажется достаточно отчетливой и многое объясняющей.

Необходимо сказать далее, что семиотические исследования публикуются в настоящее время в более чем 20 международных журналах. Это — журналы США: *Ars semiotica. International Journal of American semiotics*, Philadelphia; *Semiotic scene. Bulletin of the Semiotic society of America*, Medford; *The American journal of semiotics*, Bloomington; *Semiotica. Journal of the International Association for semiotic studies*, Bloomington. В последние годы под руководством Вяч. Вс. Иванова в США стал выходить журнал «Elementa»¹⁰. Существует специальный европейский семиотический журнал: «*Semiotics and Mentalities*», *European Journal for Semiotic studies* (Wien-Barselona-Budapest-Perpignan). Журналы семиотического направления выходят в Канаде, Бразилии, Италии, Израиле, Германии, Австрии, Норвегии и других странах.

Семиотические объединения с соответствующими регулярными и/или неперIODическими публикациями уже существуют не только в масштабах отдельных стран, но и в отдельных университетских городах. Так, в частности, можно отметить активную группу Рур-Университета в Германии (г. Бохум), издающую несколько серий семиотических публикаций¹¹. В пределах издания *Bochumer Beiträge zur Semiotik* (BBS) выходят труды монографического типа, например: *W. A. Koch. Literatur und Welt: Versuche zur Interdisziplinarität der Philologie*, 1986; *Perspek-*

¹⁰ *Elementa. Journal of Slavic studies and comparative cultural semiotics*. Vyacheslav Ivanov, Editor. University of California (Los Angeles), Moscow University.

¹¹ В числе семиотиков Бохума можно назвать К. Аймермахера, У. Фигге, В. Коха, М. Фляйшера, В. Айсмана, П. Гжибека (двое последних сейчас живут и работают в Австрии в университете г. Граца).

tiven des Verstehens / Hrsg. A. Eschbach, 1986; W. A. Koch. Grundlegung und Institutionalisierung von integrierten Kultur-Studien, 1986; в специальных сборниках рассматривается семиотика в отношении к отдельным наукам, аспекты «культурсемиотики» и др. Эта группа интересна для нас и тем, что ряд специальных изданий, о которых будет речь ниже, посвящен членам описываемой московской группы — в виде отдельных сборников переводов или даже монографических исследований, то есть анализу проблематики и тематики работ тех представителей Московской семиотической школы, о которых говорится в нашем Введении и чьи статьи републикуются далее.

3.

Этот, несколько затянутый, обзор-вступление, по нашему мнению, был необходим для создания современного фона окружающей семиотики, для того, чтобы показать схождения и расхождения описываемой школы с позиций сегодняшнего дня.

Вхождение описываемой школы в общемировую семиотику можно показать с четырех точек зрения, которые удобнее расположить по иерархии возрастающей значимости:

1) непосредственные публикации участников и основоположников в различных международных семиотических изданиях;

2) переводы трудов участников этой школы в изданиях международного семиотического плана;

3) *специальные* международные издания — сборники публикаций московских семиотиков;

4) *специальные теоретические* сочинения, посвященные анализу семиотических позиций описываемого направления.

Пункт первый в каком-то смысле для обсуждения неинтересен: и Вяч. Вс. Иванов, и В. Н. Топоров публиковались в международных изданиях сотни раз, иногда сознательно помещая свои труды в отечественные издания. Многочисленны публикации за рубежом у И. И. Ревзина, у Т. В. Цивьян, у Т. М. Николаевой, у А. А. Зализняка (и других — в той мере, в какой это оказывалось возможным в условиях политической конъюнктуры в нашей стране с середины 60-х годов).

Второй пункт более существен: важно понять, какие именно труды и какие теоретические положения вызывали наибольший интерес вне пределов отечественной филологии. Принимаем условный критерий: говорится только о тех работах, которые были изданы за рубежом (переизданы или переведены) не менее пяти раз!

Прежде всего это «Предисловие» В. В. Иванова к «Симпозиуму по структурному изучению знаковых систем», в котором излагается семиотическое кредо описываемого здесь направления. Это — совместная работа трех авторов: А. А. Зализняк, В. В. Иванов, В. Н. Топоров. О возможности структурно-типологического изучения некоторых моделирующих семиотических систем // Структурно-типологические

исследования. М., 1962. Здесь впервые говорится о применении основ семиотики к мифологическому (религиозному) пространству. Это — знаменитые «Тезисы» пяти авторов: В. В. Иванов, В. Н. Топоров, Ю. М. Лотман, А. М. Пятигорский, Б. А. Успенский. Тезисы к семиотическому изучению культур (в применении к славянским текстам) // *Semiotyka i struktura tekstu*. Warszawa, 1973. Это — работа В. В. Иванова: Роль семиотики в кибернетическом исследовании человека и коллектива. Кибернетический аспект человека и коллектива и семиотика // *Логическая структура научного знания*. М., 1965. Исследование В. В. Иванова: Структура стихотворения Хлебникова «Меня проносят на слоновых...» // *Труды по знаковым системам*, III. Тарту, 1967 — опубликовано (в переводах) практически в десяти зарубежных изданиях. Это статья В. В. Иванова: О структуре знаков кино // *Летняя школа по вторичным моделирующим системам*, Тарту, 1970. Также популярна и статья В. В. Иванова: Значение идей М. М. Бахтина о знаке, высказывании и диалоге для современной семиотики // *Труды по знаковым системам*, VI, Тарту, 1973. Это статьи В. Н. Топорова: К семиотике предсказаний у Светония // *Труды по знаковым системам*, II. Тарту, 1965; Заметки о буддийском изобразительном искусстве в связи с вопросом о семиотике космологических представлений // Там же; К происхождению некоторых поэтических символов. Палеолитическая эпоха // *Ранние формы искусства. Сборник статей*. М., 1972; О космологических источниках раннеисторических описаний // *Труды по знаковым системам*, VI. Тарту, 1973; Поэтика Достоевского и архаические схемы мифологического мышления («Преступление и наказание») // *Проблемы поэтики и истории литературы. Сборник статей*. Саранск, 1973.

Еще раз нужно напомнить, что выбранный нами критерий — пять публикаций — очень «суров» и многие работы переводились два, три раза, что тоже важно. Однако и по этому небольшому перечню можно сделать вывод: 1) интересны работы постановочно-теоретические; 2) и/или семиотические исследования древности и/или экзотики; 3) интересны, с другой стороны, конкретные семиотические исследования литературных текстов — такие, где и метод эксплицирован, и получен результат (о том, что такое в данном случае *результат*, будет сказано далее).

Какие специальные издания-антологии, посвященные московским семиотикам, могут быть названы? Перечислим¹² хотя бы наиболее крупные: *I sistemi di segni e lo strutturalismo sovietico* / R. Faccani, U. Eco (eds). Milano, 1969; *Texte der sowjetischen Literaturwissenschaften* / K. Eimermacher (ed.). München, 1971; *Ricerche semiotiche. Nuove tendenze delle scienze umane nell' URSS* / Ju. M. Lotman, B. A. Uspenskij (eds). Torino, 1973; Po-

¹² Необходимо сразу же оговорить, что во многих изданиях, посвященных «советской» семиотике, публикуются (и обсуждаются) работы московских семиотиков, примыкающих к описываемому направлению, или работы тартуских семиотиков, в первую очередь — Ю. М. Лотмана.

etika. Russian poetics in translation, vol. 1–2. Colchester, 1976; Strukturalismus, Semiotics and structuralism. Readings from the Soviet Union / H. Baran (ed.). White Plains, N. Y., 1976; Soviet semiotics: an anthology. Baltimore–London, 1977; Travaux sur les systèmes de signes / Y. M. Lotman, B. A. Ouspenski (eds). Bruxelles, 1977; Readings in soviet semiotics / L. Matejka et al. (eds.). Ann Arbor, 1977; Semiotica Russa. São Paolo, 1979; La semiotica nei paesi slavi. Programmi, problemi, analisi / C. Prevignano (ed.). Milano, 1979; Uchūki, shinva, rekishi-kijutsu. Tokyo, 1983; Semiotica sovietica, vol. 1–2. Aachen, 1986; Zeichen — Text — Kultur / K. Eimermacher, P. Grzybek (eds). Bochum, 1991.

Существуют и специальные библиографии трудов по «советской» семиотике: Arbeiten sowjetischer Semiotiker der Moskauer und Tartuer Schule (Auswahlbibliographie) / Hrg. K. Eimermacher. Kronberg, 1974; Selected bibliography of Soviet semiotics // Dispositio (Ann Arbor), 1976, 1; K. Eimermacher, S. Shishkoff. Subject bibliography of Soviet semiotics. Ann Arbor, 1977; K. Eimermacher. Semiotica sovietica. Arbeiten der Moskauer und Tartuer Schule zu sekundären modellbildenden Zeichensystem (1962 bis 1973). Aachen, 1986; A. Shukman. The Moscow-Tartu semiotic school: a bibliography of works and comments in English // A journal for descriptive poetics and theory (Tel-Aviv), 1978, 3¹³.

Важны и интересны сведения по четвертой позиции — о работах, в которых *специально* обсуждается «советская» и московская семиотика, особенно — направления, представленного в данном томе. (Не приводим здесь работы, посвященные какому-либо конкретному семиотику — Е. Мелетинскому, Ю. Лотману и др.)

Это: L. Matejka. Languages of art in Soviet semiotics // Dispositio, 1976, 1; D. W. Fokkema. Continuity and change in Russian formalism, Czech structuralism and Soviet semiotics // A journal for descriptive poetics and theory (Tel-Aviv), 1976, 1; L. Matejka. The roots of Russian semiotics of art // R. Bailey, L. Matejka, P. Steiner (eds). The Sign. Semiotica around the world. Ann Arbor, 1978; A. Shukman. Soviet semiotics // A journal for descriptive poetics and theory (Tel Aviv), 1978, 3; M. Szporer. Revolution of the word: a critique of ideology from ОРОУАЗ to semiotics (diss.). Ann Arbor, 1980; K. Eimermacher. Zur Entstehungsgeschichte einer descriptiven Semiotik in der Sowjetunion // Zeitschrift für Semiotik, Bd. 4, H. 1–2, 1982; K. Eimermacher. Sowjetische Semiotik — Genese und Probleme // Handbuch des Russisten. Wiesbaden, 1984; St. Rudy. Semiotica in the USSR // The semiotic sphere. N. Y., Plenum, 1986; M. Fleischer. Über die Fruchtbarkeit einer Dauerkrise. Die sowjetische Semiotik und die Theoriebildung // Issues in Slavic literary and cultural theory. Bochum, 1989; M. Fleischer. Die sowjetische Semiotik. Theoretische Grundlagen der Moskauer und Tartuer Semiotik. Tübingen, 1989; P. Grzybek. Studien zum Zeichenbegriff der sowjetischen Semiotik (Moskauer und Tartuer Schule). Bochum, 1989;

¹³ О публикации работ в изданиях Лотмана будет говориться и далее, в частности, в специальном сборнике, посвященном Ю. М. Лотману (Semiotics and the history of culture. Columbus, Ohio, 1988), опубликованы статьи В. Н. Топорова (совм. с Т. Я. Елизаренковой), Вяч. Вс. Иванова, Т. М. Николаевой, Т. В. Цивьян.

P. Grzybek. The concept of «model» in Soviet semiotics // Russian — Croatian and Serbian — Czech and Slovak — Polish literature. Amsterdam, 1994.

Особый выпуск, посвященный Иванову и Топорову к их «общему» 60-летию, вышел в Бохуме в 1991 г. (*Zeichen — Text — Kultur. Studien zu den sprach- und kultursemiotischen Arbeiten von Vjač. Vs. Ivanov und V. N. Toporov / Hrsg. K. Eimermacher und P. Grzybek. Bochum, 1991*). В этом сборнике представлена библиография работ В. В. Иванова и В. Н. Топорова по 1988 г. включительно, статьи, анализирующие их идеи (Н. Адами, В. Айсмана, М. Фляйшера, В. Коха), статьи близких русских семиотиков — Т. Цивьян, Б. Огибенина, А. Пятигорского, А. Жолковского и работы бохумских коллег.

В заключение можно вернуться к данным Международной лингвистической ассоциации: за период 1963–1980 гг. трудам русских семиотиков (публикации и переводы) посвящено 15% позиций из 517 названий; в общем числе семиотических публикаций 1980–1995 гг. (1580 названий) русским работам уделено не более 2–3%. Как представляется, процесс этот предсказуем.

4.

Можно по справедливости сказать, что состоявшийся в Москве в декабре 1962 года «Симпозиум по структурному изучению знаковых систем» был неким взрывом, «катастрофой» в эпистемологическом смысле, шоком. А для подготовивших симпозиум юных сотрудников сектора был он веселым праздником, за который пришлось потом очень долго расплачиваться, в наибольшей степени Вяч. Вс. Иванову и В. Н. Топорову.

Внешняя история сектора структурной типологии славянских языков Института славяноведения и балканистики Российской академии наук уже была предметом описания — как в работах серьезного и/или официального жанра, так и в воспоминаниях¹⁴.

Уже стала предметом изучения и его предьстория¹⁵. Однако, описывая внешнюю историю и предьторию, имеет смысл говорить о

¹⁴ См.: Вяч. Вс. Иванов. Голубой зверь (Воспоминания) // Звезда, 1995, №№ 1–3; Вяч. Вс. Иванов. Академик А. И. Берг и развитие работ по структурной лингвистике и семиотике в СССР // Путь в большую науку: академик Аксель Берг. М., «Наука», 1988; *V. V. Ivanov. Self-portrait of a Russian semiotician in his younger and later years // The semiotic web. Th. Sebeok et al. (eds), 1990; В. Н. Топоров. Вместо воспоминания // Новое литературное обозрение, 1993, № 3; Т. В. Цивьян. Ad usum internum // Там же; Т. М. Николаева. Типология и сравнительное языкознание славянских и балканских языков // Институт славяноведения и балканистики. 50 лет. М., 1996; *T. Nikolaeva. Department of structural typology of ISB RAN: evolution of theory (in print)*.*

¹⁵ См. особенно подробно: В. А. Успенский. Серебряный век структурной, прикладной и математической лингвистики в СССР и В. Ю. Розенцвейг: Как

коллизиях, связанных с реальными людьми — семиотиками этого направления, а не о теоретических предпосылках направления в целом. Это — внутренняя история.

То, что очень многое связано со смертью Сталина и приходом к власти Хрущева, а за ним и недолговременной «оттепелью» — триумф, но об этом необходимо помнить. Во второй половине 50-х невозможное стало возможным. Или — по крайней мере — многое невозможное. Реабилитировали кибернетику. Приехал Р. О. Якобсон. Оказалось, что стихи Мандельштама и даже обериутов кое-кто помнит наизусть. В науке воцарились математики и физики, потребовавшие от лингвистов точности описания и безупречности определений. Сразу в нескольких институтах Академии наук стали заниматься машинным переводом. Словом, как пишет В. А. Успенский, «махровый мракобес американец Карнап постепенно превращался в идеалистического, конечно, но отчасти почтенного австрийского логика Карнапа»¹⁶.

Огромную роль в расширении кругозора молодых филологов, создании арены для пробы их сил сыграли семинары по математической лингвистике «Некоторые применения математических методов в языкознании», регулярно проходившие сначала в Московском университете, а затем в МГПИИЯ. Первое заседание семинара состоялось в сентябре 1956 г. Выходили Бюллетени «Объединения по машинному переводу», где печатались доклады, прочитанные на этом семинаре. Как пишет В. А. Успенский, вспоминая, как и когда возникла идея такого семинара: «Сейчас мне кажется, что это было на концерте в Музее изобразительных искусств; концерт давал Баршай... Перед совещанием всех трех мы с В. В. Ивановым встретились в Александровском саду...»¹⁷.

И совершенно невозможно переоценить значение лекций Вяч. Вс. Иванова, которые он читал на филологическом факультете МГУ в период примерно с 1953 по 1958 год. В сущности, эти его лекции сформировали целое поколение филологов (а, может быть, и не одно поколение). В основном он читал курсы индоевропеистики, довольно сложные, занимался хеттским, тохарскими языками. Но было ощущение — и его ни с чем сравнить нельзя — что перед слушателями открываются какие-то неведомые и невиданные гигантские миры! Это

это начиналось (заметки очевидца) // Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 33, 1992; см., также публикуемые в настоящем сборнике Воспоминания И. И. Ревзина.

¹⁶ В. Успенский. Указ. соч., с. 120.

¹⁷ Там же, с. 5. (Пытаясь не выходить за пределы «научного» введения, не переходящего в воспоминания, все же хочу сказать, что «светскость» тогда не считалась недостатком; напротив, это было свойство, отличавшее «нас» от «них»: это мы ходим на вернисажи, а это они сидят по своим «совещаниям». Поэтому, например, было абсолютно естественно встретить, в частности, на обсуждении выставки художников на Беговой в 1961 году только что к нам пришедших Т. М. Судник и С. М. Шур [Толстую]. Аскетизм, ковбойки, свитеры и кухни пришли много позже.)

не просто ошеломляло, но и призывало — все прочесть, все узнать, все выучить.

Поэтому, конечно, не случайно, что в раннем составе сектора — именно в том составе, который и подготовил Симпозиум 1962 г., абсолютно органично объединились люди, пришедшие из машинного перевода, математической лингвистики, с одной стороны (И. И. Ревзин, Т. Н. Молошная, Т. М. Николаева, З. М. Волоцкая), с другой же — как бы далекие от этого «индоевропейцы» (сам В. В. Иванов, В. Н. Топоров, А. А. Зализняк, М. И. Бурлакова [Лекомцева]). Органично вписалась в этот круг и «классик» по образованию первый аспирант сектора Т. В. Цивьян.

Подобного неожиданного сплава как будто бы в мировой семиотике нет нигде, и это также дает основания для выделения крупным планом именно этого «учрежденческого», как можно подумать, научного союза. Как видно, все участники этого объединения были лингвистами. Ни один из них за все годы не стал заниматься исключительно семиотикой, оставив собственно лингвистическую сферу — у всех непрерывно выходили статьи и монографии, лингвистически высокопрофессиональные, о которых в данном Введении просто не говорится. Таким образом, они прошли суровую школу верификации описания концептов (содержательных единиц) через субстанциальный план (единицы плана выражения), чего нет ни у литературоведов, ни у культурологов, ни у фольклористов. В понимании изменчивости — как дистрибутивной, так и эволюционной — единиц обоих планов лингвисты отличались и от математиков, имевших дело в простых случаях с неизменяемым и обобщенным объектом. М. Фляйшер считает лингвистичность этой группы семиотиков недостатком в том смысле, что языком считаются в их работах и несобственно лингвистические семиотические феномены¹⁸. По этому поводу можно заметить, что метафоричность здесь несомненна. В дальнейшем изложении мы попытаемся показать преимущество именно лингвистической базы.

Программа Симпозиума дается в Приложении 2. По ней можно судить и о том, какие исследователи были в то время близкими описываемому объединению. Но реальные заседания проводились по еще более подробному плану, согласно которому каждое заседание предварялось большим обзорным докладом по соответствующей тематике (помню, что мне достался обзорный доклад «Язык и невербальные средства коммуникации»).

В Программе были представлены следующие секции: 1. Естественный язык как знаковая система; 2. Знаковые системы письма и дешифровка; 3. Неязыковые системы коммуникации; 4. Искусственные языки; 5. Моделирующие семиотические системы; 6. Искусство как семиотическая система; 7. Структурное и математическое изучение литературных произведений. Внимательный анализ этой Программы

¹⁸ M. Fleischer. Über die Fruchtbarkeit einer Dauerkrise. Die sowjetische Semiotik und die Theoriebildung // Issues in Slavic literary and cultural theory. Bochum, 1989.

1962 года и сравнение ее с приведенной выше тематикой самых последних «мировых» семиотических сборников и конференций прямо говорит о том, что сорок лет назад все это «у нас уже было» — вплоть до «семиотики гадания». Лишь некоторые названия нужно чуть-чуть модернизировать.

Реакция на Симпозиум последовала очень быстро. На сессии Академии наук должен был выступить с докладом Л. Ф. Ильичев — секретарь ЦК КПСС и академик. На стр. 75 предварительного машинописного текста его доклада говорилось: «В декабре прошлого года в Москве проходил симпозиум по структурному изучению знаковых систем (...). Выхолащивая идейное содержание искусства, забывая его отражательную функцию, они сводили все к чисто формальным приемам исследования. В докладе “О семиотике искусства” (Б. А. Успенского. — Т. Н.), например, утверждается: “Произведение искусства можно рассматривать как текст, состоящий из символов, в которые каждый подставляет свое собственное содержание (в этом отношении искусство аналогично гаданию, религиозной проповеди и т. д.)”¹⁹. Можно понять поэтому, в какой мертвой публикационной зоне оказались сотрудники сектора во всем том, что касалось семиотики, и с каким удовольствием и благодарностью приняли предложение Ю. М. Лотмана публиковаться в Ученых записках Тартуского университета.

Выше говорилось о молодости сотрудников сектора в ту пору. Первому заведующему — Владимиру Николаевичу Топорову, уже известному и уважаемому, было тогда 32 года. Однако преемственность со старшим поколением филологов сохранялась: был тесный контакт с Александром Александровичем Реформатским, Петром Саввичем Кузнецовым, Петром Григорьевичем Богатыревым. Тем самым были близкими и идеи тогда почти подпольного и мало известного Московского лингвистического кружка, и идеи Пражского лингвистического кружка.

Первые работы сектора в новом объявленном русле и были собственно семиотическими в том смысле, в каком это становится очевидным из первых разделов нашего Введения. Неслучайно, что эти работы оказались доступными всем и теоретически более простыми.

Семиотика была и здесь объектом двойного рода — как наука, требующая метаподхода, и как метод, применяемый к самым разным по генезису онтологическим феноменам. В основном работы сектора издавались в сборниках, выходявших довольно часто в период с 1962 по 1966 г. (Специфика политической ситуации даже тогда заставляла прибегать к эвфемизмам и эзопову языку — поэтому на все лады обыгрывалось словосочетание «структурная [лингвистическая] типология»²⁰).

¹⁹ Цит по ст.: В. А. Успенский. Указ. соч., с. 144.

²⁰ См.: «Структурно-типологические исследования» (1962), «Исследования по структурной типологии» (1963), «Лингвистические исследования по общей и славянской типологии» (1966), «Структурная типология языков» (1966).